

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар и восемьдесят семь центов. Это все, что удалось отложить. Из них шестьдесят — одноцентовыми монетками. За эти несчастные гроши пришлось торговаться с зеленщиком, бакалейщиком и мясником, так что аж щеки горели под красноречивыми взглядами продавцов, явно не одобрявших подобную мелочность. Делла трижды пересчитала деньги. Один доллар и восемьдесят семь центов. А Рождество уже завтра.

Очевидно, что при таком положении дел оставалось лишь рухнуть на старый потертый диванчик и зарыдать в голос. Так Делла и поступила. Из чего можно сделать вполне однозначный вывод, что жизнь состоит из рыданий, всхлипов и улыбок, причем всхлипы преобладают.

Пока хозяйка дома потихонечку переходит от первой стадии ко второй, давайте осмотрим сам дом. Съемная меблированная квартира за восемь долларов в неделю. Еще не совсем нищета, но уже близко к тому.

В вестибюле внизу — вечно пустующий почтовый ящик и кнопка электрического звонка, из которой ни один смертный не смог бы выжать ни звука. Имелась и карточка с именем: «Мистер Джеймс Диллингхем Янг».

Гордое «Диллингхем» появилось на карточке в период былого достатка, когда обладатель сего достославного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь доход сократился до двадцати долларов, и буквы в «Дил-

лингхеме» потускнели, словно всерьез призадумавшись, а не сжаться ли им в неприхотливое, скромное «Д». Но каждый раз, когда мистер Джеймс Диллингхем Янг возвращался с работы домой и поднимался в квартиру на самом верху, его неизменно приветствовал радостный возглас: «Джим!» — и горячие объятия миссис Джеймс Диллингхем Янг, уже представленной вам как Делла. И это прекрасно.

Делла вытерла слезы и припудрила щеки. Встав у окна, она уныло смотрела на серую кошку на сером заборе в сером заднем дворе. Завтра Рождество, а у нее только доллар и восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Она месяцами копила деньги, стараясь сберечь каждый цент, и вот результат. На двадцать долларов в неделю особенно не пошикуешь. Она не рассчитывала на такие большие расходы. Расходы всегда превышают расчеты. Всего один доллар и восемьдесят семь центов на подарок Джиму. Ее Джиму. Сколько счастливых часов провела Делла в раздумьях, что ему подарить. Что-нибудь редкое, утонченное, совершенно особенное — что-то, хоть отдаленно достойное высокой чести принадлежать ее Джиму.

В проеме между окнами стояло трюмо. Возможно, вы видели такие трюмо в меблированных комнатах за восемь долларов в неделю. Наблюдая за сменой своих отражений в его узких продольных створках, очень худой и очень подвижный человек может составить себе более-менее точное представление о собственной внешности. Делла, будучи худенькой, в совершенстве владела этим искусством.

Резко отвернувшись от окна, она встала перед зеркалом. Ее глаза сияли, но лицо было бледным, утратив все краски буквально за двадцать секунд. Она вмиг распустила прическу, и длинные волосы свободно рассыпались по плечам.

У четы Джеймс Диллингхем Янг было два настоящих сокровища, которыми оба по праву гордились. Одно из них — золотые карманные часы Джима, некогда принадлежавшие его отцу, а еще раньше — деду. Второе — волосы Деллы. Если бы царица Савская жила в доме напротив, Делла сушила бы волосы после мытья, свесив их из окна, и перед ними померкли бы все драгоценности Ее Величества. Если бы царь Соломон служил в доме швейцаром и прятал в подвале все свои несметные богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана, и царь царей рвал бы на себе бороду от зависти.

Теперь же роскошные волосы Деллы ниспадали пышным каскадом, струясь и сверкая, подобно каштановому водопаду. Длиной ниже колен, они окутали свою обладательницу волнистым плащом. Торопливо и нервно Делла снова собрала их в узел. Почти закончив с прической, она на секунду замялась, застыв перед зеркалом, и две слезинки упали на потертый красный ковер.

И вот надет старенький коричневый жакет, надета старенькая коричневая шляпка. В вихре взметнувшихся юбок, все так же сверкая глазами, Делла спустилась по лестнице и выскочила на улицу.

Она быстро пришла куда нужно и остановилась у двери под вывеской: «Мадам Софрони. Парики и другие изделия из натуральных волос». На второй этаж Делла взлетела бегом, так что даже слегка запыхалась. Мадам Софрони, крупная, рыхлая женщина с очень бледным и хмурым лицом, была совсем не похожа на «Софрони».

— Купите у меня волосы? — спросила Делла.

— Волосы я покупаю, — сказала мадам. — Снимите-ка шляпку, голубушка. Глянем, чего у вас есть.

И вновь заструился каштановый водопад.

— Двадцать долларов, — сказала мадам, подхватив пышную массу опытной ловкой рукой.

— Давайте же их скорее, — сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях. Прошу прощения за избитую метафору. Делла бегала по магазинам, искала подарок для Джима.

И наконец-то нашла. Самый лучший подарок, словно созданный специально для Джима и больше ни для кого. В других магазинах не нашлось ничего даже близко похожего, а уж она-то смотрела везде и всюду. Это была платиновая цепочка для карманных часов, строгого и простого фасона, ценная исключительно качеством материала и исполнения, а не кричащим мишурным блеском — как и положено всякой хорошей вещи. Можно даже сказать, что цепочка и вправду была достойна Джимовых часов. Как только Делла увидела ее в витрине, она сразу решила, что эта цепочка должна принадлежать Джиму. Она была точно такая же, как он сам. Скромность и благородство — вот идеальная формулировка, одинаково подходящая к ним обоим. Заплатив за покупку двадцать один доллар, Делла поспешила домой с восемьюдесятью семью центами в кошельке. Зато с этой цепочкой Джиму будет не стыдно справляться о времени в любом обществе. Хотя часы были великолепны, но в присутствии посторонних Джим не любил вынимать их из кармана, потому что стеснялся старого кожаного ремешка, служившего вместо цепочки.

По возвращении домой радостное возбуждение Деллы слегка улеглось, уступив место благоразумию и предосторожности. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ на плите и принялась устранять разрушения, причиненные щедростью вкупе с любовью. А это, друзья мои, большой труд — труд поистине колоссальный.

Минут через сорок ее голова покрылась тугими мелкими кудряшками, что придавало ей сходство с про-

казливым мальчишкой, сбежавшим с уроков. Она долго рассматривала себя в зеркале, пристально и придиричиво.

— Если Джим не убьет меня сразу, — сказала она своему отражению, — до того как успеет взглянуть повнимательнее, он, наверное, скажет, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что было делать?! Да, что делать, когда у тебя только доллар и восемьдесят семь центов?!

К семи часам кофе был сварен, и сковорода уже грелась на плите в ожидании отбивных.

Джим никогда не опаздывал. Зажав в кулаке часовую цепочку, Делла уселась за стол, на уголок, ближайший к входной двери. Снизу донеслись шаги, Джим уже поднимался по лестнице, и на мгновение Делла побледнела. Имея привычку безмолвно молиться о помощи в самых простых повседневных заботах, она и сейчас прошептала:

— Господи, миленький, пусть я останусь красивой в его глазах.

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. Он был худым и очень серьезным. Бедняга, такой молодой, всего двадцать два года — и уже обремененный семьей! Ему давно нужно новое пальто, да и перчаток у него нет.

Джим вошел в комнату и застыл, словно сеттер, почуявший куропатку. Он стоял, впившись взглядом в Деллу, и от этого странного взгляда ей стало страшно. В глазах Джима не было ни досады, ни ярости, ни удивления, ни ужаса — ничего из того, к чему она мысленно подготовилась. Он просто молча смотрел на нее этим странным, пугающим взглядом.

Делла вскочила и бросилась к мужу.

— Джим, дорогой, — быстро заговорила она, — не надо так на меня смотреть. Да, я обрезала волосы и продала, чтобы ты не остался без рождественского подарка.

Я очень хотела сделать тебе подарок. Они опять отрастут. Ты же не сердишься, да? Я не могла по-другому. Волосы отрастут совсем скоро, они у меня очень быстро растут. Давай, Джим, пожелай мне счастливого Рождества, и пусть оно будет счастливым и радостным. Ты даже не представляешь, какой у меня для тебя подарок... Какой прекрасный подарок!

— Ты обрезала волосы? — спросил он натужно, словно так и не смог до конца осознать этот вполне очевидный факт, даже после весьма напряженной работы мысли.

— Обрезала и продала, — сказала Делла. — Но ведь я все равно тебе нравлюсь? Я все та же, да? Только без длинных волос.

Джим растерянно оглядел комнату.

— Говоришь, без волос? — тупо переспросил он.

— Можешь их не искать, все равно не найдешь, — сказала ему Делла. — Говорю же, я их продала. Джим, сегодня Сочельник. Пожалуйста, не сердись на меня. Это все ради тебя. Может быть, волосы на моей голове и поддавались какому-то счету, — ее голос вдруг сделался очень серьезным и нежным, — но мою любовь к тебе ничем не измерить и не сосчитать. Уже можно жарить отбивные, Джим?

Из оцепенения Джим вышел быстро. Он заключил свою Деллу в объятия. А мы проявим деликатность, отвернемся на десять секунд и ненавязчиво поразмышляем о чем-нибудь постороннем. Восемь долларов в неделю или миллион в год — в чем заключается разница между ними? Математик или рационалист дадут вам неверный ответ. Волхвы принесли ценнейшие дары, но такого среди них не было. Это загадочное утверждение разъяснится позднее.

Джим достал из кармана пальто небольшой сверток и бросил его на стол.

— Не заблуждайся насчет меня, Делл, — сказал он. — Хоть побрейся ты налысо, никакая прическа и стрижка не заставят меня разлюбить мою девочку. Но раскрой этот сверток, и ты поймешь, почему я сперва растерялся.

Белые ловкие пальчики распустили бечевку и разорвали бумагу. Раздался радостный возглас, увы, тут же сменившийся — совершенно по-женски — истерическими рыданиями, так что хозяину дома пришлось немедленно применить весь арсенал утешительных мер.

Потому что в свертке лежали гребни — тот самый набор декоративных гребней для волос, которым Делла давно любовалась в одной из витрин на Бродвее. Невероятно красивые гребни, настоящие черепаховые, украшенные по ободку мелкими драгоценными камешками — как раз такого оттенка, который так хорошо подошел бы к роскошным когда-то, а ныне исчезнувшим волосам. Гребни стоили дорого, она это знала, и мечтала о них, изнывая всем сердцем, без малейшей надежды на обладание. А теперь у нее есть прелестные гребни, но нет волос под желанное украшение.

Она прижала гребни к груди и наконец-то смогла улыбнуться сквозь слезы, поднять глаза и сказать:

— Волосы отрастут быстро, Джим!

А затем Делла вскочила, точно ошпаренный котенок, и воскликнула:

— Ой!

Она так и не отдала Джиму подарок! Она протянула цепочку мужу, держа ее на ладони. Казалось, что матовый драгоценный металл засверкал, отразив радостный блеск ее глаз.

— Тебе нравится, Джим? Я весь город обегала, пока искала тебе подарок. Теперь ты будешь глядеть на часы хоть по сто раз на дню. Кстати, дай мне часы. Я хочу увидеть, как они смотрятся вместе.

Но, вместо того чтобы послушаться, Джим прилег на диванчик, положил руки под голову и улыбнулся.

— Делл, — сказал он, — давай пока спрячем наши подарки. Отложим до лучших времен, а то уж больно они хороши. Я продал часы, чтобы купить тебе гребни. А теперь уже можно жарить отбивные.

Волхвы, как мы знаем, были очень мудры — необычайно мудры, — те волхвы, что явились с дарами к Младенцу в яслях. Они заложили традицию дарить подарки на Рождество. У мудрых дарителей и дары, без сомнения, были мудрыми, вероятно, с заранее оговоренной возможностью обмена в случае необходимости. Я же, как мог, рассказал вам простую историю о двух глупых детях в дешевой съемной квартирке, которые совершенно не мудро пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но пусть знают нынешние мудрецы: из всех, приносящих дары, эти двое — мудрейшие. Среди тех, кто вручает и принимает дары, мудрее всех будут подобные им. Всегда и везде это мудрейшие из мудрейших. Они и есть волхвы.

В АНТРАКТЕ

Майская луна ярко освещала частный пансион миссис Мэрфи. Загляните в календарь, и вы узнаете, какой величины площадь освещали в тот вечер ее лучи. Лихорадка весны была в полном разгаре, а за ней должна была последовать сенная лихорадка. В парках показались молодые листочки и закупщики из западных и южных штатов. Распускались цветы, и процветали курортные агенты; воздух и судебные приговоры становились мягче; везде играли шарманки, фонтаны и картежники.

Окна пансиона миссис Мэрфи были открыты. Кучка жильцов сидела на высоком крыльце, на круглых и плоских матах, похожих на блинчики. У одного из окон второго этажа миссис Мак-Каски поджидала мужа. Ужин стыл на столе. Жар из него перешел в миссис Мак-Каски.

Мак-Каски явился в девять. На руке у него было пальто, в зубах — трубка. Он попросил извинения за беспокойство, проходя между жильцами и осторожно выбирая место, куда поставить ногу в ботинке невероятных размеров.

Открыв дверь в комнату, он был приятно изумлен: вместо конфорки от печки или машинки для картофельного пюре в него полетели только слова.

Мистер Мак-Каски решил, что благосклонная майская луна смягчила сердце его супруги.

— Слышала я тебя, — долетели до него суррогаты кухонной посуды. — Перед всякой дрянью ты извиняешься, что наступил ей на хвост своими ножищами, а жене ты на шею наступишь и не почешешься, а я-то жду его не дождусь, все глаза проглядела, и ужин остыл, купила какой-никакой на последние деньги, ты ведь всю полочку пропиваешь по субботам у Галлегера, а нынче уж два раза приходили за деньгами от газовой компании.

— Женщина, — сказал мистер Мак-Каски, бросая пальто и шляпу на стул, — этот шум портит мне аппетит. Не относись презрительно к вежливости, этим ты разрушаешь цемент, скрепляющий кирпичи в фундаменте общества. Если дамы загораживают дорогу, то мужчина просто обязан спросить разрешения пройти между ними. Будет тебе выставлять свое свиное рыло в окно, подавай на стол.

Миссис Мак-Каски тяжело поднялась с места и пошла к печке. По некоторым признакам Мак-Каски сообразил, что добра ждать нечего. Когда уголки ее губ опускались вниз наподобие барометра, это предвещало град — фаянсовый, эмалированный и чугунный.

— Ах вот как, свиное рыло? — возразила миссис Мак-Каски и швырнула в своего повелителя полную кастрюльку тушеной репы.

Мак-Каски не был новичком в такого рода дуэтах. Он знал, что должно следовать за вступлением. На столе лежал кусок жареной свинины, украшенный трилистником. Этим он и ответил, получив отпор в виде хлебного пудинга в глиняной миске. Кусок швейцарского сыра, метко пущенный мужем, подбил глаз миссис Мак-Каски. Она нацелилась в мужа кофейником, полным горячей, черной, не лишенной аромата жидкости; этим заканчивалось меню, а следовательно, и битва.

Но Мак-Каски был не какой-нибудь завсегдаятай грошового ресторана. Пускай нищая богема заканчивает

свой обед чашкой кофе. Это дело нехитрое. Он делает кое-что похитрее. Чашки для полоскания рук были ему небезызвестны. В пансионе Мэрфи их не полагалось, но эквивалент был под руками. Он торжествующе швырнул умывальную чашку в голову своей супруги-противницы. Миссис Мак-Каски увернулась вовремя. Она схватила уют, надеясь с его помощью успешно закончить эту гастрономическую дуэль. Но громкий вопль внизу остановил ее и мистера Мак-Каски и заставил их заключить перемирие.

На тротуаре перед домом стоял полисмен Клири и, насторожив ухо, прислушивался к грохоту разбиваемой вдребезги домашней утвари.

«Опять это Джон Мак-Каски со своей хозяйкой, — размышлял полисмен. — Пойти, что ли, разнять их. Нет, не пойду. Люди они семейные, развлечений у них мало. Да небось скоро и кончат. Не занимать же для этого тарелки у соседей».

И как раз в эту минуту в нижнем этаже раздался пронзительный вопль, выражающий испуг или безысходное горе.

— Кошка, должно быть, — сказал полисмен Клири и быстро зашагал прочь.

Жильцы, сидевшие на ступеньках, переполошились. Мистер Туми, страховой агент по происхождению и аналитик по профессии, вошел в дом, чтобы исследовать причины вопля. Он возвратился с известием, что мальчик миссис Мэрфи, Майк, пропал неизвестно куда. Вслед за вестником выскочила сама миссис Мэрфи — двухсотфунтовая дама, в слезах и истерике, хватая воздух и вопия к небесам об утрате тридцати фунтов веснушек и проказ. Вульгарное зрелище, конечно, но мистер Туми сел рядом с модисткой мисс Пурди, и руки их сочувственно встретились. Сестры Уолш, старые девы, вечно жаловавшиеся на шум в коридорах,